

Roman Szubin

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Польские фамилии в прозе Антона Чехова

Ономастика прозы Чехова отражает широкую географию национальностей, представленных в населении России конца XIX века. И это не случайный факт. Сам Чехов однажды сказал: „Я говорю на всех языках, кроме иностранных” (Письма VII, 39)¹. „Все языки” – это прежде всего разнообразие речевых стилей, присущих стилистике данного времени. А с другой стороны, это предполагает своеобразное подражание иностранным языкам, обыгрывание слов и выражений, создание квазиподобных образцов.

Иностранные антропонимы у Чехова (или антропонимы, идентифицируемые нами как национальные) играют двоякую роль. Первое – они, будучи, как и все антропонимы, „элементарным сигналом жанровой обусловленности, различимой в контексте традиции”², определяют национальность литературного персонажа и связанный с ней весь комплекс эстетических и этических отношений в духе традиции позднего реализма. Второе – подчиняясь игровому началу, антропонимы теряют связь с национальным элементом, и подвергаются художественной коннотации, становясь „значащими”, которые, согласно И. Сарновской-Гифинг, могут быть семантически мотивированными и немотивированными. В последнем случае они представляют собой имена, выражающие „эмоциональное отношение автора к обозначаемым ими объектам”³.

---

¹ Ссылки на произведения А. Чехова производятся по изданию Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т.* – с указанием тома и страницы в тексте статьи.

² I. Sarnowska-Giefing, *Od onimu do gatunku tekstu. Nazewnictwo w satyrze polskiej do 1820 roku*, Poznań 2003, с. 50.

³ I. Sarnowska-Giefing, *Nazewnictwo w nowelach i powieściach polskich okresu realizmu i naturalizmu*, Poznań 1984, с. 76.

Сказанное мы можем проиллюстрировать на очень значимых, автором подсказанных случаях. В рассказе *Поцелуй* (1887) солдат-денщик, неправильно выговаривая немецкую фамилию *фон Раббек*, произносит *Фонтрябкин*, русифицируя и соответственно делая ее смешной, к тому же и понятной. В корне слышны понятия *фонт-рябкин (рябой)* или *фонтрябкин (тряпка)*. В рассказе *Дама с собачкой* (1898) этот прием повторен: русский швейцар (привратник) скорее всего по неграмотности превращает немецкую фамилию *фон Дидериц* в *Дрыдыриц*. Здесь актуальным становится сема дыры, которую можно реализовать во всем тексте: дыра по значению ноль, пустое место, и к нулю, то есть к полному уничтожению сводит герой Чехова своего главного антагониста – мужа Анны Сергеевны, что прекрасно совпадает с художественными задачами дискредитации мужа-„лакея”.

Эти примеры демонстрируют один из приемов, при помощи которого происходит вхождение иностранной фамилии в русское языковое пространство. Однако степень интерпретации имен собственных зависит от выявленных взаимоотношений имени и текста. Так, в ранней редакции последнего рассказа *Невеста* (1903) о бабушке-героине сказано: „Бабушка, важная, пышная в своем шелковом платье, надменная, какую она всегда казалась при гостях, сидела у самовара, и Надя, взглянув на нее, почему-то только теперь сообразила, что Дзыгой в доме называли именно ее, бабушку” (X, 286–287). Русские источники (Даль и Фасмер) называют *дзыгой* (или *зыгой* – оба варианта записаны у Чехова в записных книжках) ‘вертлявого, беспокойного человека’⁴. Однако такая семантика не свойственна „важной, пышной и надменной бабушке”. В польской же культуре Дзыга (Зыга) это не только слово, но и целое семейство фамилий с основой *Zyga*, известной с 1600 года и происходящей от старого слова *zygać* ‘дразнить, докучать’. Кроме того, *Zyga* сокращение от имени *Zygmunt* (NP II, 750). Таким образом, польское происхождение данного прозвища существенно меняет взгляд на семантику, отсюда становится понятным надменность и горделивость бабушки. К тому же в тексте встречается еще одна квазипольская фамилия – Шишмачевский.

В мире Чехова мы сталкиваемся с тотальной дискредитацией (осмеяние, пародирование, непонимание, нулевая коммуникация и т.д.) персонажа. Положительный персонаж оттеснен на периферию художественного мира. Это связано с понятием стереотипа, которое, как показывает Суконик, „в глубине признается единственной реальностью”⁵. Сталкивая

⁴ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. II, Москва 1986, с. 109.

⁵ Ал. Суконик, *За оградой рая*, Москва 1991, с. 101.

друг с другом стереотипы и обнажая стереотип в бытовом или ментальном событии, Чехов не подвергает сомнению саму идею стереотипности. Так, стереотипному, именно „обывательскому” поведению поляка Ивана Казимировича *Ляшкевского* (злаязгыче, надменность) и немца Франца Степаныча *Финкса* в рассказе *Обыватели* (1887) противопоставлено стереотипное поведение русского (лень), которому даже лень отвечать на обидные оскорбления: „Лайдаки, пся крив! Цоб их дьябли везли!” (VI, 192). Комизм заключается в том, что, обругав русского, он затем ругает и ушедшего немца, своего „союзника”, не замечая при этом, что сам живет в такой же закоснелости и ничегонеделании (не в состоянии и пружины поменять в своем диване).

В данном рассказе фамилия служит идентификации и типизации (и стереотипизации) персонажа: если герой поляк, то и фамилия должна быть польской, а польская фамилия должна содержать в себе „польский” корень. Вот и получилась фамилия типа *Ляшкевский* (от *лях*).

Формальное описание польской фамилии основывается на стереотипных представлениях Чехова о польской ономастике.

1. Формант *-ский/-цкий* является главным определителем польской фамилии у Чехова. Другой формант *-ович/-евич* представлен в меньшей степени: *Колтович* (*Соседи*), *Ариадна Колтович*, восхищавшаяся писателем Болеславом Маркевичем (*Ариадна*), *Рябович* (*Поцелуй*) и др. Следует отметить, что формант *-ский/-цкий* довольно активно употребляется Чеховым для создания литературных вымышленных фамилий: *Войницкий*, *Рябовский*, *Рыжицкий* и др.

2. Фонетические особенности польского языка являются следующей главной языковой приметой польской фамилии. Трудновыговариваемая фамилия наделяет фамилию и ее носителя негативной семантикой или функцией. Так, после появления белокурого доктора „с польскою трудно выговариваемую фамилией” (VIII, 106) нарушилось равновесие у доктора Рагина (*Палата № 6*), после чего начался „обратный отсчет времени”, приведший к признанию доктора сумасшедшим и его смерти в больнице. Анонимность персонажа только усиливает ощущение демонизма.

Фонетические особенности польского языка наложили отпечаток и на такие польские фамилии, как *Пшехоцкий*⁶ (*Драма на охоте*), *Ржевецкий*⁷ (*Барыня*), *Кржевецкий* [*Кржецкий* в первой редакции] (*Он по-*

⁶ В польском есть целая группа фамилий Przechacki, Przechadzki, Przechocki, Przechocko, Przechocko, Przechodna, Przechodzeń, Przechodziński, Przechodzki и др. со значением ‘прохожий’ (przechodzień ‘człowiek przechodzący’).

⁷ Возможно, от Rzewicki (od rzwieć ‘ryczeć z gniewu’, też od rzewny) Rzewski – 1569 od nazwy miejscowej Rzewuszki (białostockie, gmina Sarnaki).

нял!), *Боядловский, Хапцинский (То была она!), Хрящамбжицкий (Интриги), Шишимачевский (Невеста)*. Фамилия *Замблицкий (Злой мальчик)* также имитирует польскую фамилию, которая могла бы возникнуть из разных семантических гнезд: **zamb** (от населенных пунктов Zembrzyce, Zambrzyce, Ząbrzyca, Zambrzus) – *Zambrzydcki, Zambrzycki, Zambrzucki; ząb* (зуб) *Ząbkowski; zaziębły* (‘зябкий’) *Zaziembłowski; zamróż* ‘szadz’ (‘изморось’) – *Zambroziewicz* (NP II, 723, 730)⁸. Однако в русской версии этой фамилии возникает эпентетический звук [л] после [б], видимо, в связи с аналогией с русскими словами *зяблик* (ziębik) и *зябнуть* (ziębnąć). Между тем в тексте рассказа никаких польских соответствий и аллюзий не наблюдается. Впрочем, небольшое антропонимическое пространство рассказа можно привести к единой системе значений: *Замблицкий* и *Лапкин* – *зяблик* (птица) и *лапка* – создают конкретный зоонимический фон.

3. Морфологическая различимость польских фамилий. За внешне имитируемым звуковым составом возникает семантика словообразования. В некоторых из них проявляется морфемная различимость – точнее, не сами корни и суффиксы, а их „узнаваемые” подобия. Например, *Хрящамбжицкий* состоит из двух корней, один из которых русифицирован и превращен в слово *хрящ* (chrząstka), в другом же можно услышать деформированное польское слово *brzydki* ‘грязный’. *Боядловский* может быть разложен на *бо ядл*, в переводе приблизительно означающее „ибо ел” с сохранением полусогласного ł (bo jadł). Хотя подобные фамилии в польском языке иного происхождения, возможная исходная фамилия *Wojalkowski* происходит от древнепольского слова *bojeć się* ‘бояться’, *bój* ‘бой’ (NP I, 45).

4. Следующий момент – семантические совпадения и несовпадения корней в русском и польском языках. *Грохольский (Живой товар)* больше напоминает о грохоте, а *Grocholski* – фамилия, образованная от названия населенного пункта Грохолице и от апеллятива *gorox* (*groch*). *Гронтовский (Пустой случай)* и диалектное слово *gront* ‘фундамент, поле’ (ср. русское *грунт*): *Grontowski, Grontecki, Grontkowski* и др. В *Ржевецком* можно услышать ряд русских соответствий от города *Ржев* (апеллятив *рожь*) до глагола *ржать*. В очерке *Остров Сахалин* Чехов упоминает ссыльного поляка *Яна Рыцеборского*. Между тем в польском ономастиконе такой фамилии нет. Встречается *Racibor* (и производные *Raciborek, Raciborowic, Racibór, Raciborz, Raciborzek, Raciborowicz* и т.д.), в старорусском вариан-

⁸ К. Rymut, *Nazwiska Polaków, Słownik historyczno-etymologiczny*, т. II, Kraków 2001. Здесь и далее ссылки на данное издание будут производиться в тексте с указанием тома и страницы.

те – Ратибор, где первая часть означает *рать* ‘войско’, а не рыцарь (нем. Ritter) (Nazwiska Polaków II, 329, 374). Неслучайно слух Чехова уловил иные значения, поэтому он и вписал эту фамилию в записную книжку, считая ее придуманной. В Боядловском корень *яд(л)* означает ‘ел, есть’, а в русском *яд* – это то, что есть нельзя.

В период работы над повестью *Степь* Чехов заменил первоначальный вариант фамилии графини Браницкой на Драницкая, вероятно, для того, чтобы избежать нежелательных ассоциаций с русским словом *браниться* ‘ссориться, ругаться’. Польская же фамилия *Branicki*, известная с 1435 года, происходит от топонима Branice и старославянского *брати* ‘бороться, защищаться’. А в фамилии *Драницкая* хоть и слышны ругательные значения (от *drań* негодяй/мерзавец/дрянь *разг.*), глубинная этимология выявляет исходный глагол *драть*, в польском – группа антропонимов (например, *Dranica* с 1478, NP I, 147) связана со значением слова *дранка* (‘*darcie, coś zdartego*’).

5. Двойные фамилии приняты в традиции польского и русского аристократического имяобразования; ‘вершиной ономастического увлечения’ среди писателей Б. Унбегаун считал тройные фамилии⁹. У Чехова среди польских фамилий есть одна тройная – *Битный-Кушле-Сувремович* (*Расстройство компенсации*). Взята эта фамилия из раннего журналистского опыта Чехова, который вел репортажи из зала суда в деле банкира Рыкова (1883 г.); один их свидетелей был уездный врач *Битный-Шляхто* (XVI, 203). Последние два компонента тройной фамилии явно игрового характера: *Кушле* (в польском ему соответствует семейство фамилий с основой *Kusza* от диалект. *kośla, koślak* ‘человек скосбоченный, кривоногий’ (‘*człowiek koślawy; mający krzywe nogi*’ NP I, 449) и напоминает о русском слове *куш* (ставка в карточной игре); *Сувремович* (в польском вероятно *Suprewicz* и *Sufronowicz*, оба от православного имени Софроний) аллюзивно напоминает латинское слово *super* – превосходную степень (самый), что корреспондирует с образом. Ср.: ‘Фамилия у него была нескладная, тройная, и Яншин помнил ее только потому, что инженер, любивший громко поговорить о политике и поспорить, часто клялся и говорил: – Не будь я Битный-Кушле-Сувремович!’ (X, 229).

Такая польская фамилия, как Корвин-Круковский (в обоих компонентах – семантика *ворона*), хорошо известная в России, могла стать основой для создания пары антагонистических персонажей в рассказе *Черный монах: Коврин* (с метатезой *рв – вр*) и *Песоцкий*. Уникальность ситуации заключается в том, что первая из них практически не встречается в рус-

⁹ Б. Унбегаун, *Русские фамилии*, Москва 1989, с. 193.

ском ономастиконе (в Ростовской области есть только деревня *Коврино*, в рассказе – *Ковринка*), у второй – польский формант *-цкий*. И эта фамилия несет на себе следы западно-славянских антропонимических форм: *Высоцкий*, *Тоцкий*, *Белопесоцкий*.

По типу двойной польской фамилии образованы несколько литературных фамилий русского происхождения: *Арцыбашев–Свистаковский* (*Шведская спичка*); *Пружина–Пружинский* (*Невидимые миру слезы*); *Цицеронов–Гравинанский* (*В бане*); *Пищик–Заблудовский* (*Визитные карточки*); *Укуси–Каланчевский* (*Затмение луны*).

Семантическое описание польской фамилии связано с художественной коннотацией фамилии, приобретаемой в результате актуализации связи между фамилией и носителем (десигнатом), между фамилией и другими фамилиями (антропонимический контекст), между фамилией и текстом (нарратором).

1. Польская фамилия связана в основном с образом управляющего: *Дзержинский*¹⁰ (*Русский уголь*), *Пишецкий* (*Драма на охоте*), *Гронтовский* (*Пустой случай*), *Хапцинский* (*То была она!*), Казимир Михайлович при графине *Драницкой* (*Степь*). Управляющий – значимая фигура в период распада „дворянских гнезд”. Управляющий – это определенная социальная роль, и фамилия зачастую (а литературная в особенности) отражает эту роль. Так, к Гронтовскому (*Пустой случай*) неизменно добавляется нарратором слово *конторщик*, вероятно, для понижения статуса управляющего, но это слово оказалось двойником имени персонажа (ср. **конторщик Гронтовский**), так как „он наслаждался своим снисходительным тоном, любезностью, манерами и с особенным чувством произносил свою *звучную фамилию*, которую он, вероятно, очень любил” (V, 301).

Если Боядловский – фамилия графа, в замке которого заночевал герой-рассказчик (русский офицер, путешествующий в Польше), то фамилия управляющего этим замком – *Хапцинский* с корнем *хан* (от слова *ханать*, то есть ‘быстро, резко хватать’; польская *Chapiński* от *chapać* со значением ‘быстро делать’) как нельзя лучше в контексте сатиры и реализма соответствует должности управляющего (ср. позднее значение *ханать* – ‘красть, присваивать себе, брать взятки’). В произведениях Чехова

¹⁰ Фамилия не только аутентичная, но и биографическая и даже историческая: отец «железного Феликса», основателя ВЧК, ГПУ и НКВД, Эдмунд Иосифович Дзержинский до 1875 года был учителем математики в Таганрогской гимназии, где учился Антон Чехов. – см. Д. Рейфилд, *Жизнь Антона Чехова*, Москва 2007, с. 39. Происхождение фамилии из топонима *Dzierżno* и древнепольского апеллятива *dzierżeć, dzierżyć* ‘держат’ (‘trzymać’) (NP I, 171) связано со словом *держат*, *держатель*, что интуитивно угадано Чеховым и воплощено в образе управляющего.

по-разному варьируется мысль, что приказчики (деловые, расторопные люди при отнюдь не деловых господах) обирают своих господ, например, в повести *Степь*, где говорится, что польская графиня *Драницкая* обкрадывается своим управляющим (VII, 44). Отсюда и „значимый” корень этого слова – *драть* в значении ‘обирать, обдирать, воровать’.

2. Польская фамилия появляется в характерном контексте: она попадает в напряженное поле семантических противопоставлений: русский – поляк, русский – поляк – немец и др., как в упоминаемом выше рассказе *Обыватели*.

Но вот интересен контекст, в котором противопоставление переносится на антропонимический уровень. Речь идет о таких рассказах Чехова, где на малом текстуальном пространстве формируется модель общества: фамилии в такой модели организуются по круговому принципу. В пародийном рассказе *Интриги* (1887 г.) в воображении одного человека проносится совет медиков, среди которых разворачивается настоящая борьба за место Председателя Общества. Доктора представляют несколько национальностей, национальные фамилии в свою очередь „проговаривают” медицинскую тему: немцы – фон Брон (ср. *бром*) и Прехтель (ср. *перхоть*), евреи – Знобиш (ср. *озноб*) и Груммер (ср. *умер*), украинцы – Жила (ср. *жила*) и Бесструнко, русские – Шелестов и Пузырьков (ср. *пузырёк*), армянин – Терхарьянц (ср. *харя, харкать*), поляк – фармацевт Хрящамбжицкий (ср. *хряц*). Эта модель общества отражает скрытую борьбу разных национальностей за рынок – доктор А. Чехов прекрасно разбирался в проблемах российской медицины.

Более высокий уровень абстрагирования – польская фамилия начинает функционировать как отдельный знак независимо от национальной принадлежности ее носителя. Так, уже никто не задумывается над тем, что такая яркая и роковая женщина, как Ариадна Черец, ставшая прототипом многих чеховских героинь, судя по фамилии (от диал. *sięgać* ‘тереть, вытирать’ NP I, 96), могла быть полькой. Видно, поэтому в рассказе *Ариадна* (1895) Чехов для другого прототипа (Л. Мизиновой) сохраняет польский антропонимический колорит: *Ариадна Григорьевна Котлович* (ср. *Kotłowicz*, с 1569, от древнепольского *котел* ‘kocioł’). В рассказе *Учитель словесности* (1889–1894) тоже использован образ Ариадны Черец, и первоначально героиня носила польскую фамилию Маша Шидловская (ср. *Szydłowski* – 1408, от топонимов *Szydłów, Szydłowo*, NP II, 566).

В рассказе *В усадьбе* (1894) изображен горделивый дворянин Павел Ильич Рашевич, который исповедует аристократическую „чистоту” русской культуры. Его польская фамилия Рашевич (ср. польск. *Raszewicz*, с 1405, от составных имен типа Раслав, Радослав, NP II, 340), вопреки

предполагаемому польскому происхождению, соотнесена со словом *Ra-sea*, а в корне прослушивается английское произношение слова Russian (русский). Да и идеи, выражаемые против „чумазных”, перерастают социальные и сословные границы, звучат как расистские. Ему возражает сосед, мещанин с „низкой” фамилией Мейер (от нем. Meier ‘фермер, управляющий, бургомистр’). Возражает Рашевичу судьба – мы узнаем, что дочери Рашевича обижены на своего отца, что своими взглядами он распугал всех женихов. Но большее возражение выражает сам текст: в ряду великих творцов русской культуры попадает Собакевич. „Всем этим человечество обязано исключительно белой кости, и в этом смысле, с точки зрения естественно-исторической, плохой Собакевич, только потому, что он белая кость, полезнее и выше, чем самый лучший купец, хотя бы этот последний построил пятнадцать музеев” (VIII, 335).

Характерно то, что именно фамилия притянула относительно схожую фамилию – Собакевич не творец русской культуры, а ее продукт – образ помещика в поэме Н. Гоголя *Мертвые души*, одна из кривых «рож», в свою очередь искривленно отражающей Рашевича.

3. Семантика фамилии на текстовом уровне и на уровне подтекста. Одним из главных функционально значимых приемов „вбирания” имени в текст является, на наш взгляд, способность имени коммуницировать (корреспондировать) с понятийным уровнем текста, что выражается в создании анаграмм. Как пишет В. Н. Топоров, „весь смысл и эстетическая ценность анаграммы как раз в том, что она [...] позволяет осмыслить и те элементы, которые понимаются как лежащие ниже границы [...] содержания. [...] Иначе говоря, *верх* (квинтэссенция) смысла соотносится с *низом* формы, с предельно внешними и случайными ее элементами...”¹¹. Имя же, как никакой другой компонент текста, способно отразить смысл всего произведения.

Так, с фамилией **Замблицкий** звуко-символически соотносится название рассказа, выражающее суть образа, – **Злой мальчик**. А одна из „звучных” фамилий Хрящамбжицкий (*Интриги*) символизирует новый порядок, который вносит свежее испеченный председатель Шелестов: „[...] в лечебнице Общества он (председатель) прежде всего велит **покрасить** в **амбулаторной** стены и вывесить **объявление**: «**Курить** строго **запрещается**»; засим он прогонит **фельдшера** и **фельдшерицу**, лекарства будет забирать не у Груммера, а у **Хрящамбжицкого** [...]” (VI, 363). В этой фамилии нет ничего неожиданного, она подготовлена всем звуко-

¹¹ В. Топоров, *К исследованию анаграмматических структур (анализы)*, в: *Исследования по структуре текста*, Москва 1987, с. 194.

вым строем фразы. На сюжетном уровне борьба велась среди докторов, представлявших какую-то национальность и национальный клан, после смещения докторов-немцев, доктору-русскому предпочтительна фамилия Хрящамбжицкий, что и отражает текст: ряд обещанных перемен связан со звучной фамилией нового аптекаря (**кра – амб – рещ – шерци**).

Глубоко в ткань произведения проникают фамилии рассказа *Поцелуй* (1887) – генерала фон Раббека и штабс-капитана Рябовича. Генетически рассказ связан с рождественским рассказом *То была она!* (1886), действие которого происходит в Польше. Однако от польского пейзажа остались лишь некие *Местечки*. Генерал также обладает какой-то тайной – его хотят и не могут вспомнить офицеры. Главный герой лишен каких-либо национальных черт, он в прямом смысле слова „бесцветен”. Хотя о цветовом наполнении говорят его бакены „как у рыси”, то есть *рыжие*, что показывает этимологическое родство этих слов, и фамилия – Рябович. Рябые люди в поэтике Чехова ущербны (в народе – больные оспой), ущербен и герой – физически, сексуально, социально, эстетически.

При звуковом параномастическом сближении этих фамилий, происходит их размежевание на идейном уровне. Рябович – *робок*, фон Раббек – *храбр*. Ср.: „Ему, как человеку *робкому* и необщественному, прежде всего бросилось в глаза то, чего у него никогда не было, а именно необыкновенная *храбрость* новых знакомых” (VI, 409); „Было время, когда он завидовал *храбрости* и прыти своих товарищей и болел душою; сознание, что он *робок*, сутуловат и бесцветен, что у него длинная талия и рысьи бакены, глубоко оскорбляло его, но с годами это сознание, стало привычным” (VI, 410).

Звуковое уподобление приводит к размыванию границ в структуре антропонимов, во многом благодаря чему фамилии превращаются в относительно самостоятельный текст, выполняющий роль подтекста. Первая фамилия по форме немецкая, по содержанию корня Раббе ‘еврейский духовный наставник’ (или даже Ребекка) – еврейская. Вторая фамилия по содержанию русская (четкий корень *рябой*), а по форме может быть идентифицирована как еврейская (ср. близкая к ней *Rabkowicz*)¹² и одновременно как польская (ср. *Rabowicz*, *Rabow* – обе происходят от диалектного *rabu* ‘рябой, полосатый, крапчатый’, см. NP II, 328).

Обе фамилии создают две семантические парадигмы, одна из которых связана со статусом генерала-раввина, а другая с понятием раба, которое приписывается именно Рябовичу, „маленькому человеку” чеховской

¹² Z. Abramowicz, *Słownik etymologiczny nazwisk Żydów białostockich*, Białystok 2003, с. 274.

прозы. Однако национальный контекст фамилии вносит то, что пытается нейтрализовать текст – фамилия красноречиво говорит о национальной принадлежности еще одного „маленького человека” русской литературы. Таким образом, следует признать, что национальный компонент в семантике антропонима, в частности фамилии, при вхождении в иноязычную культуру обладает постоянными свойствами.

Roman Szubin

Польские фамилии в прозе А. Чехова. The polish surnames in prose of A. Chehov

The author considers Polish surnames in Chehov's prose from two basic positions – formal and semantic. A Polish surname in Chehov always appears in an intense semantic context and involves ambivalent meanings. Nearly all Polish characters of his works are administrators, managers, or beautiful women. An important point is that a Polish surname in Chehov, regardless of the real national identity of its bearer, starts to function as a sign. Within this aspect, deep semantic structures of the text are involved. According to the author of the article, an adaptation of a foreign surname within the text to be received by the Russian linguistic consciousness is generally effected through an anagram and identification to sound structure of the text.

KEY WORDS: literary onomastics, anthoponims, dictionary of names, Polish family, semantics of names and surnames, text, subtext (undertones), nationality context, anagram.

dr Roman Szubin, Zakład Pragmatyki Komunikacyjnej Języków Obcych, Instytut Filologii Rosyjskiej Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; zainteresowania badawcze: onomastyka literacka, zwłaszcza w prozie Gogoła, Czehowa, Makanina, Szukszyna.